

ИВАН ИЛЬИН И «ГЕРОЙ КАК ПОЭТ» Т. КАРЛЕЙЛЯ

В статье рассматриваются связи эстетики и литературной критики И.А. Ильина с творчеством английского писателя, историка, философа Т. Карлейля.

Ivan Ilyin and “the hero as the poet” T. Karlejlja. Marina R. TARASOVA (Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk).

In clause communications of an aesthetics and literary criticism I.A. Ilyin with creativity of the English writer, the historian, philosopher T. Karlejlja are considered.

Томас Карлейль (1795—1881)— английский писатель, историк, философ— пользовался заслуженным уважением многих наших соотечественников. Л.Н. Толстой включал изречения Карлейля в свои книги «Круг чтения», «На каждый день», «Путь жизни». И.С. Шмелев признается, что читал Карлейля «с упоением» [3, с. 332]. Н.А. Бердяев сообщает в автобиографии, что испытал *потрясение* при чтении книги Карлейля «Герои и героическое в истории» [1, с. 104]. Высоко ценил Карлейля И.А. Ильин. Он называл его «мудрым», «прозорливым» [2, с. 38], «гениальным» [3, т. 6, с. 439], ссылался на него, советовал почитать, а книгу «Герои и героическое в истории» (1840) цитировал многократно: и в своих религиозно-философских, эстетических сочинениях, и в литературной критике, и в письмах.

Так, эпиграфом к первой части статьи «Талант и творческое созерцание» (1933) И.А. Ильин берет слова Т. Карлейля из третьей главы: «Поэту, как и всякому другому человеку, мы скажем прежде всего: *смотри*. (У Ильина: *созерцай!*— М.Т.) Если вы (у Ильина «ты». — М.Т.) не способны к этому, то совершенно бесполезно упорствовать в подыскивании рифм, звонких и чувствительных окончаний, противопоставлять их (у Ильина «противопоставлять их» пропущено.— М.Т.) и *называть* (у Ильина без курсива.— М.Т.) себя поэтом» [4, с. 131]. Из существенных «вмешательств» в чужой текст отметим замены местоимения «вы» на «ты» (прямое обращение к конкретному читателю) и глагола «смотри» на терминологически более значимый для Ильина «созерцай» (с восклицательным знаком). (В работе «Аксиомы религиозного опыта» И.А. Ильин поясняет значение этого термина так: «Созерцать значит приблизительно то же самое, что «рассматривать» и «видеть»; но здесь имеется в виду духовное рассматривание и духовное видение, способное воспринимать и чувственные и нечувственные предметы, очищающее и символически углубляющее чувственный взор чело-

века» [2, с. 107]). «Неточности» цитирования позволяют И.А. Ильину ассимилировать высказывание и таким образом адресовать его читателю и от своего имени: «мы скажем». Саму же мысль о том, что творческое созерцание вело всех великих людей, что «*истинный художник должен быть духовно значительным и духовно созерцающим человеком*» [3, т. 6, кн. 1, с. 100], саму цитату («Поэту, как и каждому другому человеку, мы скажем прежде всего: *созерцай!*») И.А. Ильин использует позже в книге «Основы художества. О совершенном в искусстве» (1937) [3, т. 6, кн. 1, с. 97, 100].

Ко второй части статьи «Талант и творческое созерцание» И.А. Ильин вновь берет эпиграф из книги Карлейля «Герои и героическое в истории»: «Искренность и глубина созерцания делают человека поэтом». Эпиграфом к статье «Музыка Метнера» (1929) становится еще одна выдержка из этой книги: «Музыкальная (у Карлейля набрано курсивом.— М.Т.) мысль— это мысль, высказанная умом, проникающим в самую суть вещей, вскрывающим самую затаенную тайну их, именно— мелодию, которая лежит сокрытая в них» (у Карлейля «мелодию» выделено курсивом.— М.Т.). В «Аксиомах религиозного опыта» Ильин приводит целую подборку точных и неточных цитат из Карлейля о том, что природа всегда была и останется *сверхъестественной* в восприятии подлинного мыслителя и пророка [2, с. 200, 201], что всякому истинному познанию предшествует поклонение¹ [2, с. 333, 401].

Книга Карлейля «Герои и героическое в истории» (1840)² представляет собой цикл из шести бесед:

¹ У Карлейля эта мысль звучит так: «Человек не может вообще *знать*, если он не *поклоняется* чему-либо в той или иной форме. Иначе его знание— пустое педанство, сухой чертополох» [4, с. 93].

² На русском языке вышла в 1898 г. в издательстве Ф. Павленкова (Санкт-Петербург) в переводе В.И. Яковенко.

«Герой как божество. Один. Язычество. Скандинавская мифология», «Герой как пророк. Магомет. Ислам», «Герой как поэт. Данте. Шекспир», «Герой как пастырь. Лютер; реформация, Нокс; пуританизм», «Герой как писатель. Джонсон. Руссо. Бёрнс», «Герой как вождь. Кромвель. Наполеон. Современный революционизм». В перечисленных беседах последовательно рассматриваются отдельные фазы культа героев, где сам герой — это тот, кто «сквозь *внешность* вещей проникает в самую *суть* их» [4, с. 77], «кто живет во внутренней сфере вещей, в истинном, божественном, вечном, существующем всегда, хотя и незримо для большинства, под оболочкой временного и пошлого: его существо там; высказываясь, он возвещает вовне этот внутренний мир поступком или словом, как придется» [4, с. 183, 184]. (И.А. Ильин цитирует этот отрывок в письме И.С. Шмелеву от 15.VIII.1927 г., говоря о том, какими должны быть настоящие философы [3, с. 50]).

Т. Карлейль исходит из того, что мир, нас окружающий, — «откровение трудов Божьих», «чудо и тайна», «видимое и осязаемое проявление Божественной силы», «тень, отбрасываемая Богом вовне, на грудь пустой бесконечности», а великий человек (герой) — это «вестник, посланный к нам с вестями из глубины неведомой бесконечности» [4, с. 68]. Являясь «свободным даром природы, он приходит на землю, «чтобы сделать истину более понятной для нас»¹ [4, с. 105]. Настоящий поэт, по Карлейлю, — это всегда герой, вестник, всегда — голос своего народа. («Да, поистине великое дело для народа — обладать явственным голосом, обладать человеком, который мелодичным языком высказывает то, что чувствует народ в своем сердце»² [4, с. 140]). Важнейший признак «поэтической натуры» — «способность видеть в каждом предмете его Божественную красоту» [4, с. 30] (ибо «что такое поэтическое творчество, как не *проникновение* в самую суть вещей» [4, с. 129], и что такое вдохновение, как не «дыхание неба»? [4, с. 31]).

«Поэт» и «пророк» у Карлейля — синонимы: оба они проникают в священную тайну природы. В некоторых древних языках их даже называли одинаково — *vates*. *Vates*-пророк схватывает священную тайну с ее моральной стороны, как добро и зло, долг и запрет; *vates*-поэт — с ее эстетической стороны, как красоту. Но оба они помнят о тайне. Оба понимают, что всякого рода любительское искательство истины, игра и кокетничанье с истиной — тяжкий грех [14, с. 96]. Пророческое слово поэта, «эта новая истина, но-

вое, более глубокое раскрытие тайны вселенной» [4, с. 223], ниспосылается свыше для того, чтобы привести мир в повиновение Истине [4, с. 223]. Так должно быть и так будет. Поэт призван преобразовывать хаос в космос — «в меру того *света*, который носит в себе» [4, с. 129].

«Светоносность» художника определяется его верой, а вера, по Карлейлю, «есть здоровый акт человеческого духа» [4, с. 202] — без нее все благородное, святое, всякое вдохновение исчезают [4, с. 201]. Вера стяжается в том числе страданием — «повсюду нам приходится достигать совершенства путем страдания» [4, с. 116] (у Ильина почти дословно: «*качество* рождается из *страдания и труда*» [3, т. 2, кн. 1, с. 240], «самое важное в жизни — обрести через каждое страдание частицу *истинной веры* и *истинной мудрости*» [3, т. 3, с. 106]). Разве мог бы Шекспир создать Гамлета, «создать такую массу героически страдающих сердец, если бы его собственное героическое сердце никогда не страдало?» — спрашивает Карлейль [4, с. 134]. И.А. Ильин задается тем же, по сути, риторическим вопросом, когда говорит о Достоевском, Шмелеве и многих других великих русских писателях. По его логике, высший смысл творности состоит в том, что тварь имеет священное призвание на земле. Грех ведет ее к страданию, а страдание учит — еще при жизни — духовности, мудрому самопознанию, очищению, отречению, религиозной искренности и возвращению в Божий луч: «Страдание дается человеку для того, чтобы или умудрить его или погасить его, неумудренного» [2, с. 438].

Главный дар поэта, по Карлейлю, — *ум* (синоним способности созерцания, которая отличает у Ильина гениального художника). Так, Шекспир — «глава всех поэтов, существовавших до сих пор» [4, с. 128] — «величайший ум» [4, с. 128]. (И.А. Ильин в свою очередь отмечает, что у Шекспира почти все его герои — *мыслители* [3, т. 6, кн. 1, с. 240]). При этом ум у Карлейля — просветленный ум — неизбежно сопрягается с нравственностью: «человек с истинным умом, как я утверждаю постоянно и верю неизменно, есть вместе с тем и человек с благородным сердцем, человек истинный, правдивый, человечный, отважный» [4, с. 198]. И наоборот: «Для человека низкого, самолюбивого, малодушного природа с ее истиной навсегда останется запечатанной книгой: все, что такой человек может знать о природе, — пошло, поверхностно, ничтожно; все его знание отвечает лишь потребностям минуты» [4, с. 132]. (Применительно к искусству у Ильина это звучит так: «Если душа современного человека не слышит Софокла или Шекспира, то это не значит, что Софокл и Шекспир плохие художники, а значит, что душа современного человека стала мелка духом и слаба волею и не умеет читать Софокла сердцем и созерцать волею вместе с Шекспиром. *Читать* о титанах и героях — не значит словесно проноситься мимо них, но значит *воссоздавать их в себе*; а для этого необходимо найти в своей собственной душе тот материал чув-

¹ Эта мысль вообще близка русской культуре. См., например, у В. Одоевского: великий художник говорит «тем языком, которого нельзя передать словами, он беседует с теми силами, которые углублены в безднах души, которые человек иногда сам в себе не ощущает, но которые поэт ему должен высказать, чтобы он их понял» [5, с. 30].

² И.А. Ильин, соглашаясь с Карлейлем, в свое время скажет: «иметь такого поэта и пророка — значит иметь свыше *великую милость* и *великое обетование*» [3, т. 6, кн. 2, с. 69].

ства, воли, видения и мысли, из которого складывается титаническая и героическая натура» [3, т. 6, кн. 1, с. 187]. Или: «Почему русское предвоенное поколение не умело играть Шекспира? Потому что оно было мелко для него — безвольно, бестемпераментно, не героично, лишено трагического и философского парения. Художественный акт Шекспира был ему недоступен, и сам Шекспир в России был бы одиноким художником» [3, т. 6, кн. 2, с. 356]).

Искусство, коль скоро оно от истины, требует *всегда* человека во всей полноте его душевно-духовных сил и способностей — ума, совести, чувства, воли, воображения... Только тогда оно обретает признаки чего-то органического, естественного, *живорожденного*: «Величайший дар, каким природа дарит всякую истинно великую простую душу, состоит в том, что она делает ее частью *самой себя*. Произведения такого человека, с каким бы, по-видимому, напряжением сознания и мысли он ни творил их, вырастают *бессознательно* из неведомых глубин его души, как вырастает дуб из недр земли, как образуются горы и воды; во всем видна симметрия, присущая собственным законам природы, все находится в соответствии с совершенной истиной» [4, с. 133].

Подлинная поэзия, по мнению Карлейля, «заключает в себе музыку», «она есть пение» [4, с. 107]: «Все глубокое представляет, в сущности, пение», «проникайте в вещи достаточно глубоко, и перед вами откроются музыкальные сочетания; сердце природы *окажется* во всех отношениях музыкальным, если только вы сумеете добраться до него» [4, с. 108]. Поэзия по сути своей — *музыкальная мысль*. (У Ильина поэзия суть тоже пение: «Великая поэзия ищет благоговейным сердцем Божественного — во всем; и находит; и из него поет» [3, т. 2, кн. 2, с. 321]. Великая русская поэзия «возродится тогда, когда в русской душе *запоет ее последняя священная глубина*» [3, т. 2, кн. 2, с. 317]. Все великие русские поэты «сосредоточивали свой чувствующий опыт на том, что есть *главное, важнейшее или прямо священное* в жизни мира и человека» — они созерцали *Божье*, и их взволнованное, умиленное сердце «начинало петь» [3, т. 2, кн. 2, с. 317]. Великая русская поэзия изначально «была порождением истинного чувства, восторга, одушевления, вдохновения, света и огня, — именно того, что мы называем *сердцем* и от чего душа человека начинает *петь*» [3, т. 2, кн. 2, с. 319]).

Все сказанное Карлейлем находит отклик в эстетике Ильина (за исключением, быть может, того, что Ильин требует от художника *полной* духовной очевидности, тогда как Карлейль считает, что «никакой глаз, какими бы высокими достоинствами он ни отличался, не может исчерпать всего содержания, таящегося в данном предмете» [4, с. 118]; Карлейль считает также, что надо относиться терпимо к людям, к их поискам и ошибкам: «пока существует жизнь, существует и надежда у всякого человека» [4, с. 216], — И.А. Ильин

полагает, что коль скоро Истина открыта, изменять ей преступно, и потому весьма строго относится ко всякого рода отклонениям от прямого и ясного пути к ней — и в искусстве, и в жизни).

И.А. Ильину близок жанр публичной беседы, положенный в основу книги «Герои и героическое в истории», вняты ее состав и композиция (он и сам отмечал, что идеальный духовный опыт порой осуществляется совсем не философами и не в философии, а, например, великими художниками, героями, святыми, пророками [3, т. 3, с. 87]). Ильину органичны и родственны *идеи* Карлейля. Он неизменно подчеркивает, например, причастность всего великого *к священной тайне бытия*. По его мнению, священнослужитель, художник и ученый, которые открыто и сознательно посвятили себя поиску и осуществлению истины, добра, красоты, «стоят непосредственно лицом к лицу с тем *высшим, верховным жизненным содержанием, через которое жизнь человеческая вообще имеет значение и ценность*» [3, т. 3, с. 21]. Или прямо: «художник призван созерцать и выговаривать в своей земной работе — *сверхземное*» [3, т. 3, с. 430], он — *служитель и про-рицатель* [3, т. 6, кн. 1, с. 58], в высшей своей потенции — пророк. Недаром И.А. Ильин одну из своих программных работ (кстати, речь — по жанровому определению) назвал «*Пророческое призвание Пушкина*» (1937), а главную мысль, озвученную здесь, сформулировал так: «*Пушкин учил Россию видеть Бога и этим видением утверждать и укреплять свои сокровенные, от Господа данные национально-духовные силы*» [3, т. 6, кн. 2, с. 68]. И.А. Ильин согласен с Карлейлем, что художественное произведение — это проповедь, которая пишется «на все времена» [4, с. 187]. И, конечно, он согласен с общим пафосом книги Карлейля, суть которого выражена в словах: «Я предсказываю, что мир еще раз станет *искренним*, верующим миром, что в нем будет много героев, что он будет героическим миром! Тогда он станет победоносным миром; только тогда и только при таких условиях» [4, с. 204].

Думается, Т. Карлейль выразил в этих словах самую заветную мечту И.А. Ильина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. Самопознание: Опыт философской автобиографии (1940). СПб., 2007.
2. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М., 2002.
3. Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1993—2000.
4. Карлейль Т. Герои и героическое в истории: Публичные беседы. М., 2001.
5. Одоевский В.Ф. Пушкин // О литературе и искусстве. М., 1982.

